

УДК 314.012

DOI: 10.17223/1998863X/43/12

Т.Б. Гудкова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТЕОРИИ

Проанализированы предпосылки, основные положения и практическая значимость теории второго демографического перехода, представлены аргументы ее основоположников в пользу «жизнеспособности» концепции и ее применимости к различным странам и регионам мира, изложены критические замечания оппонентов теории и автора статьи.

Ключевые слова: демографическая теория, первый демографический переход, второй демографический переход, брачно-семейное поведение, рождаемость, конвергенция, дивергенция, ценности.

Введение

Прошло более шестидесяти лет с момента публикации статьи Руперта Вэнса «Нужна ли теория демографам?» [1], но лишь немногие исследователи ответят на этот вопрос утвердительно. Демография обычно воспринимается как эмпирическая социальная наука, статус теории в ней по сей день остается проблематичным. Авторы большинства работ, посвященных демографическим проблемам, ограничиваются анализом эмпирических данных, в лучшем случае – разработкой методов такого анализа. Тем не менее в демографии время от времени появляются и теоретические обобщения, которые привлекают внимание представителей этой научной дисциплины, порождают различные интерпретации, вызывают споры и в конечном счете вносят заметный вклад в развитие научной демографии в целом. Кроме того, они всегда расширяют поле взаимодействия демографии со смежными дисциплинами, будь то психология, социология, экономика или статистика.

Изучение таких теоретических обобщений, их сопоставление с уже имеющимися теориями и концепциями – важная задача демографических исследований. Тщательная оценка теорий, точек зрения и даже ретроспективных взглядов на происходившие в прошлом изменения ведет к лучшему пониманию актуальных демографических проблем, а значит, и к выработке более эффективных ответов на возникающие реальные вызовы, к развитию наших представлений о том, какие меры необходимо принимать в демографической политике.

Сопоставление теоретических взглядов, анализ их развития позволяют более точно формулировать исследовательские вопросы, уменьшают концептуальную путаницу, побуждают к проверке соответствия между объясняющими теориями и объясняемыми фактами. Выдающийся канадский демограф, пионер в области математической демографии Натан Кейфиц весьма провокационным образом показал, насколько важным может быть такая ра-

бота: «Более глубокое понимание основы наших знаний и суждений не может не улучшить их» [2. Р. 287].

Важным результатом эпистемологического анализа дисциплины является понимание того, что на самом деле представляет собой наука о народонаселении. И в этом направлении перед нами раскрывается перспектива движения в сторону «процессо-ориентированной демографии» [3], которая разрабатывает теории на основе тщательного анализа процессов, лежащих в основе демографического поведения, и затем тестирует теорию, используя операционализованные данные в терминах точно определенных переменных. Объединив индивидов или другие единицы анализа в группы или подгруппы, однородные по конкретным характеристикам, можно продемонстрировать, как отдельные действия, независимо от того, считаются ли они в основном адаптивными или биологически детерминированными, приводят к демографическим изменениям. Такой подход, по мнению Дирка ван де Каа, мог бы также помочь в преодолении растущего разрыва между теоретиками демографического поведения, с одной стороны, и разработчиками демографических моделей – с другой.

В начале 70-х гг. прошлого столетия выдающийся английский (венгерского происхождения) философ и методолог науки Имре Лакатос предложил теорию развития науки, «основанную на идее соревнующихся исследовательских программ» [4. С. 160]: побеждает та программа, которая обеспечивает «прогрессивный сдвиг проблем», т.е. не только предсказывает новые факты, но и объясняет факты, ранее установленные «теорией-соперницей». В демографической науке на роль «теории-соперницы» основной исследовательской программы, именуемой теорией демографического перехода (ТДП), с середины 1980-х гг. стала претендовать теория второго демографического перехода (ВДП).

Генезис и развитие теории второго демографического перехода

Теория «классического» демографического перехода была сформулирована Фрэнком Ноутстейном в 1945 г. как нарратив, описывающий процесс снижения смертности и рождаемости в ряде европейских стран с конца XVIII в. в ответ на изменения в экономических, технологических (в частности, в медицине) и культурных условиях. Теория явилась полезным и весьма убедительным обобщением демографического опыта в европейском регионе. Согласно ТДП население всех регионов мира в конечном счете будет следовать одному и тому же пути развития – от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к равновесию низкой смертности и низкой рождаемости.

В середине 1960-х гг. выяснилось, что эта теоретическая модель имеет существенный недостаток: после завершения перехода рождаемость не остается достаточно высокой для обеспечения замещения поколений [5]. Под катализирующим влиянием значительно улучшенной высокоэффективной контрацепции, которая еще более совершенствовалась в условиях развития государства благосостояния, и заметных изменений в предпочтениях и приоритетах рождаемость стала снова снижаться. Даже достигнув уровня намного ниже необходимого для замещения поколений, никаких признаков ее восста-

новления обнаружено не было. Наряду с этим произошли многочисленные изменения в демографическом поведении: женщины стали рожать в более позднем возрасте, нерегистрируемое сожителство стало обычным явлением, произошел разрыв между матримониальным и сексуальным поведением, увеличилась доля детей, родившихся вне брака, организация личной жизни стала носить плюралистический характер, в то же время брак стал менее стабильным, чем в предыдущие десятилетия. Снижение смертности в старших возрастах ускорило процесс старения. И еще недавно бывшая донором миграции для других регионов Европа стала регионом-реципиентом. Это, в свою очередь, оказало глубокое влияние на состав населения европейских стран. Они стали культурно неоднородными – ситуация, с которой им было чрезвычайно сложно справиться. Становилось все более очевидным, что этот новый набор демографических факторов не может быть объяснен как временный феномен. Для его описания и был предложен термин «второй демографический переход» (ВДП).

В основе идеи о новой стадии демографического развития, как отмечают авторы концепции ВДП [6, 7], лежит анализ истории детства французского историка Филиппа Ариеса и его работа «Две последовательные мотивации к снижению рождаемости на Западе» 1980 г. По мнению Ариеса, снижение рождаемости было вызвано изменившейся мотивацией к деторождению: с конца XVIII в. и вплоть до 30-х гг. XX в. снижение рождаемости происходило за счет увеличения эмоциональных и финансовых инвестиций в ребенка («эра ребенка-короля»). Согласно Лестегу данная мотивация больше не является доминирующей, и ВДП ознаменовал изменение ориентации взрослых людей в сторону собственной самореализации. Ребенок, хотя еще присутствует в жизненных планах пар и индивидов, не имеет прежних «королевских» привилегий в эпоху, когда выбор человека осуществляется в пользу собственного развития. Следует отметить, что Ариес [8] ссылался на наблюдения Альфреда Соби о том, что снижение рождаемости вызвано новым феноменом: люди начали отказываться от *нежелательных детей*, т.е. это не означает, что ценность детей уменьшилась, наоборот, возросла «самоценность» детей [9]. К тому же, несмотря на некоторое колебание в начале 2000-х гг. [10], норма двух детей остается чрезвычайно стабильной в Европе [11].

Другой предпосылкой теории ВДП является положение экономической теории рождаемости Ричарда Истерлина о том, что незамещающая рождаемость уже стала структурной, и данная тенденция имеет долгосрочную перспективу в западных странах. Следуя идее цикличности в рождаемости Истерлина, малые когорты имеют больше возможностей для трудоустройства и большую вероятность достичь уровня благосостояния своих родителей, поэтому люди раньше вступают в брак и переключаются на деторождение, тогда как дети многочисленных поколений создают противоположный демографический эффект. Второй демографический переход не устанавливает подобной связи, но утверждает, что изменения экономических и культурных условий служат важными факторами, определяющими тенденции рождаемости [7].

Признавая важность экономических последствий как на макро-, так и на микроуровне, теория ВДП особое внимание уделяет идейным факторам и

культурным изменениям. По всей видимости, идейные сдвиги изменили отношение людей к браку, деторождению, собственному здоровью и в целом оказали влияние на демографические процессы. Объяснение демографической ситуации выходит за рамки экономических колебаний и может быть дополнено представлением о том, что поведение людей, в том числе демографическое, начинает меняться, когда подвергается пересмотру система ценностей в обществе и происходит переориентация отдельного индивида в зависимости от выбранного им жизненного пути (например, сдвиг в сторону одиночного проживания, до- и послебрачного сожительства, откладывания рождений, внебрачных рождений, разводов и распада союзов). Таким образом, теория ВДП включает как экономические, так и социологические рассуждения и по этой причине тесно связана с концепцией постматериализма Рональда Инглхарта. Согласно Инглхарту начиная с 1970 г. непрерывно прослеживается сдвиг от материалистических приоритетов к постматериалистическим – переход «первостепенной роли от вопросов материальной и личной защищенности к проблемам самовыражения и качества жизни» [12. С. 57]. Австрийским демографом Джозефом Шмидом были выделены «старые» и «новые» ветви постматериализма. Старые ветви – установка на достижение успеха и статуса: растущие ожидания; стремление к предметам роскоши; ощущение относительной депривации. Новые ветви характеризуются принадлежностью к субкультурам и приверженностью постматериалистическим ценностям [13. Р. 7]. Прямым следствием данного сдвига является то, что ВДП предсказывает характерные для него демографические последствия (структурную незамещающую рождаемость, рост альтернативных форм совместного проживания) и за пределами западных стран, если в незападных странах в равной степени будут развиваться потребности более высокого порядка (потребности в самореализации) и распространяться демократические институты, обеспечивающие сохранение социокультурного многообразия [7].

И наконец, базисом теории ВДП считается теория иерархии потребностей Абрахама Маслоу, предложенная в 1954 г. По мере того как население становится богаче и образованнее, внимание людей устремляется от потребностей, связанных с выживанием, безопасностью и солидарностью, к индивидуальной самореализации, признанию, низовой демократии, самовыражению в работе и ценности образования. Стоит отметить, что, говоря о самоактуализации как вершине пирамиды потребностей, А. Маслоу подразумевает под ней «стремление человека к самовоплощению, к актуализации заложенных в нем потенций» [14. С. 68] и связывает ее с людьми зрелого возраста (в силу опыта, а не как трактуется у Лестега – вследствие богатства и образования). Далее, к потребности в признании и самоактуализации человек устремляется после того, как удовлетворена потребность в принадлежности и любви, и семья и дети в этом плане представляют особую ценность. Самоактуализированный человек «постиг высшую ценность человеческих душевных качеств» [Там же. С. 191]. В данном контексте ссылка на Маслоу для подкрепления доводов основоположников теории ВДП представляется противоречащей им.

Теория второго демографического перехода впервые была апробирована Роном Лестегом и Дирком ван де Каа в 1986 г., когда исследователями была

установлена взаимосвязь изменений в рождаемости, формировании семьи и партнерском поведении, которые начались в середине 1960-х гг. во многих странах Западной и Северной Европы. Широкую известность теория получила после публикации ван де Каа 1987 г. работы «Европейский второй демографический переход» в Демографическом бюллетене ООН [13]. В 1990-х гг. теорию начали «тестировать» на странах Центральной и Восточной Европы, что вызвало интерес у многих исследователей – представителей данных регионов. В начале 2000-х гг. были проведены две научно-исследовательские конференции, в ходе которых развернулись теоретические дебаты вокруг теории второго демографического перехода. Обсуждение позволило выявить сильные и слабые стороны концепции, и дальнейшее развитие концепции велось в русле поиска и обоснования ответов на поставленные вопросы.

Теоретические дебаты вокруг второго демографического перехода

Теория второго демографического перехода, как уже отмечалось, связывает тенденции демографического поведения с изменениями ценностей в западных обществах [15]. Будучи «основной концепцией среди ученых в области народонаселения, занимающихся демографическими изменениями в европейских обществах» [16. Р. 1], теория ВДП вызывает и по сей день много споров.

Во-первых, высказываются некоторые возражения относительно правомерности использования понятия «второй демографический переход». Массимо Ливи-Баччи, к примеру, утверждает, что «существует только один «демографический переход» в мировой истории» [17. Р. 28], остальное – это «предпереходные» либо «постпереходные» изменения. Дэвид Коулмен задается вопросами, действительно ли это «второй»? Действительно ли «демографический»? И действительно ли «переход»? Не является ли он продолжением первого демографического перехода? [18]. Джон Колдуэлл предлагает заменить термины «первый демографический переход» и «второй демографический переход» на «первый» и «второй переход в рождаемости» [19. С. 429]. «Речь, по-видимому, все-таки идет не о собственно демографическом переходе, а о серии его следствий во всем, что касается организации личной жизни человека», – замечает А.Г. Вишневецкий [20. С. 65].

С появлением «второго демографического перехода» потребовалось объяснить, что подразумевается под «первым демографическим переходом» (ПДП), поскольку до тех пор существовали просто демографический переход и описывающая его теория (ТДП). Основным аргументом ван де Каа и Лестега в пользу ВДП является то, что в отличие от классического демографического перехода, «конечной точкой» которого предполагалось равновесие низкой смертности и низкой рождаемости (следовательно, отсутствие «демографической» потребности в устойчивой иммиграции), нулевой естественный прирост населения, ожидаемая продолжительность жизни выше 70 лет, нуклеарный тип семьи (супружеская пара с детьми) – ожидания начала 1970-х гг. – ВДП не предполагает подобного равновесия в качестве «конечной точки». Главное различие между первым и вторым переходами заключается в их движущих силах: в то время как снижение смертности послужило «двигате-

лем» для первого перехода, снижение рождаемости стало «двигателем» для второго. В то же время между ними есть и смысловые различия: если фундаментальным принципом первого перехода является «рационализация жизни», то второго – право на самореализацию для каждого человека – «индивидуализация жизни» [21. Р. 8]. Лестег [7] не отрицает того факта, что ПДП явился необходимой предпосылкой для ВДП, и вслед за своим единомышленником ван де Каа выделяет ряд отличий ПДП и ВДП как демографического (брачность, рождаемость), так и социального характера (социетальный фон). Однако если следовать логике преемственности между ПДП и ВДП, тогда демографические и социальные изменения в период ВДП необходимо рассматривать не как обособленно происходящие, а как закономерно вытекающие из ПДП. Это, в свою очередь, противоречит идее самостоятельности второго демографического перехода.

Во-вторых, доказательства причинно-следственной связи между ценностными и поведенческими изменениями представляются малоубедительными. Связь между ценностями и поведением может быть не прямой и может варьироваться в зависимости от контекста [16]. Так, главный недостаток «классической» теории демографического перехода авторы теории ВДП видят в том, что она не предсказывает снижения рождаемости ниже уровня замещения поколений. Причину снижения рождаемости ниже уровня замещения поколений ван де Каа и Лестег видят в «идейном сдвиге» – в росте индивидуализма и секуляризации [13, 22]. В то же время исследования Т. Сobotки показывают, что страны, которые испытали самые передовые сдвиги в ценностях и семейном поведении, характерные для ВДП, не имеют особо пониженных показателей рождаемости. Напротив, большинство европейских стран имеют коэффициент рождаемости, близкий к порогу замещения, включая Скандинавские страны, Бельгию, Нидерланды, Францию и Великобританию, и при этом демонстрируют прогресс в ВДП [23]. Более того, страны, которые наиболее активно развивались по пути ВДП, испытывают существенное «восстановление» показателей рождаемости в старших репродуктивных возрастах (эффект отложенных рождений). Что касается роста индивидуализма, то аргументы Самуила Престона [24] выглядят более убедительными: индивидуализм не мог возникнуть сам по себе, он, как наиболее популярная система ценностей, стал результатом «измененных условий» общества.

Нам представляется, что демографические изменения являются, скорее, первичным стимулом, тогда как идейные и ценностные – реакцией на них. Механизм демографических изменений был запущен задолго до начала второго демографического перехода: как только отпало давление высокой смертности, потеряла смысл и высокая рождаемость, после стали самостоятельными все три вида поведения – матримониальное, прокреативное и сексуальное.

Третьим спорным моментом теории является степень распространения ВДП за пределами западных обществ [25, 26]. Теория второго демографического перехода выдвигает гипотезу о сокращении межнациональной гетерогенности в европейских странах по мере их прохождения через «стандартную» последовательность демографических событий [13]. Согласно основоположникам теории, несмотря на запаздывание, с которым изменения охватывают

различные европейские страны, индивидуализация демографического поведения, вероятно, произойдет во всей Европе. Более того, сторонники теории подчеркивают схожесть тенденций в брачно-партнерской сфере в некоторых промышленно развитых странах Азии, Дальнего Востока и Латинской Америки [7] и предсказывают выбор аналогичных моделей поведения. Несмотря на особенности культурно-исторического развития, прогнозы ВДП, в основной набор которых входят (1) индивидуальная свобода выбора и плюрализм форм брачно-партнерских отношений; (2) стремление к самореализации и, как результат, снижение рождаемости; (3) глобальная коммуникация и диффузия идей; (4) сдвиг в сторону «постматериалистических» ценностей и ценностей самовыражения, правомерны и для этих стран [27].

Согласно оппонентам теории влияние различных исторических и современных событий будет сохраняться в ближайшем будущем, следовательно, процесс сближения траекторий демографического поведения в Европе может быть затруднен как культурными, так и институциональными факторами [25, 28]. Дэвидом Реэром был поднят вопрос о различиях европейских моделей семьи [25]. Он противопоставляет модель семьи в Южной Европе, основанной на «сильных» связях, модели семьи в Северо-Западной Европе, где, как он утверждает, связи были «слабыми» в течение многих столетий. Эта особенность рассматривается в качестве фактора, оказывающего значительное влияние на поворотные жизненные этапы. Карл Майер [28] же утверждает, что давние различия в социально-экономических институтах играют решающую роль в том, каким образом экономическая глобализация влияет на модели жизненного пути. С его точки зрения, не следует ожидать сходимости в паттернах жизненного пути до тех пор, пока остаются дифференцированными институциональные структуры.

По мнению Антона Кайстена, сохраняющиеся различия брачно-семейного и репродуктивного поведения в Европе и значительные колебания в межстрановых изменениях не могут быть объяснены как проявление межнациональной разницы в скорости, с которой страны движутся по одной и той же траектории. Они скорее выступают в качестве индикатора дифференциации структурных условий и моделей развития семейной жизни в Европе. Кайстен не отрицает распространенности индивидуализации и плюрализации во всех европейских странах, но отмечает существенные различия в интенсивности этих процессов и особенностях трансформации форм организации семейной жизни для каждой отдельно взятой страны [29]. Это созвучно тому, о чем писала Кати Бох в конце 1980-х гг.: «Какими бы ни были существующие структуры, они характеризуются принятием разнообразия, предоставившим мужчинам и женщинам возможность выбора в пределах системы из имеющихся вариантов той модели жизни, которая наилучшим образом отвечает их собственным потребностям и устремлениям» [30. Р. 296]. Таким образом, общей чертой, характеризующей изменения в моделях формирования семьи в Европе, является «сближение к разнообразию».

Франческо Биллари рассматривает вероятность конвергенции демографического поведения внутри региона ЕЭК ООН. По его мнению, сходимость можно было бы ожидать в результате глобальной тенденции в сторону увеличения сходства в социально-экономических и институциональных системах, а также общего направления идейных сдвигов. Но, несмотря на общие

тенденции, все страны ЕЭК ООН вряд ли достигнут одного уровня, ввиду долгосрочных и глубоко укоренившихся культурных различий, с одной стороны, и разнородности институциональных условий – с другой, обеспечивая тем самым зависимость эволюция от предшествующего развития и, по всей видимости, сохранение различий [31].

Главный недостаток теории ВДП Дэвид Коулмен видит в отсутствии в ней должного внимания к роли международной миграции. Тогда как увеличение числа иммигрантов в странах с низким уровнем рождаемости приводит к значительным изменениям в «национальном составе населения и, следовательно, в культуре, внешнем облике, социальном опыте и самосознании жителей европейских стран» [32. Р. 402]. Растущая тенденция поддержания численности населения стран с рождаемостью ниже уровня воспроизводства за счет большого притока мигрантов получила название «третий демографический переход». И хотя сам Коулмен, предложивший этот термин, в своих последующих публикациях его не использует, предпочитая оперировать понятием демографического перехода (первого, классического) с привнесением в него компонента миграции, в научной литературе термин «третий демографический переход» закрепился. Так, например, Даниэль Лихтер в исследовании «Интеграция или фрагментация: расовое разнообразие и будущее Америки» пишет о том, что «новая иммиграция изменила фундаментальный характер Америки. Иммиграция стала национальной политической проблемой, а не просто государственной или локальной» [33. Р. 364]. Впервые наблюдаются изменения в расовом составе подрастающего поколения американцев, и многие из этих детей – дети иммигрантов. Лихтер подчеркивает, что эти дети находятся в «авангарде третьего демографического перехода, который трансформирует Америку» [Ibid. Р. 364].

Как видим, с момента публикации ван де Каа 1987 г. о втором демографическом переходе вокруг вопроса о сходящихся и расходящихся процессах в европейских обществах развернулась дискуссия даже не в двух, а в трех направлениях: те, кто приводят аргументы в пользу конвергенции семейно-брачного поведения, те, кто ожидают сохранения его особенностей в каждой стране, и те, кто указывают на дивергенцию моделей жизненного пути, а следовательно, и брачно-партнерских траекторий. Дискуссия, таким образом, затронула проблему интерпретации концептуальных рамок теории и потребовала ответа на вопрос, все ли страны и регионы должны следовать концептуальной схеме?

Согласно ван де Каа на уровне стран и регионов данный вопрос требует специальных исследований. Однако «цель концептуальной основы именно в том, что она позволяет исследователям выявить и изучить национальные и региональные особенности и, если возможно, объяснить и понять обнаруженные различия. Отклонения от довольно общей модели сами по себе не уменьшают ценности концептуального инструмента исследования или его концептуальных рамок» [21. Р. 8]. Далее демограф говорит о скорости конвергенции к «стандартной модели», которая зависит от диффузии конкретных идей, охватывающих группы населения с весьма различными социально-экономическими условиями, культурным опытом и в разное время. Следовательно, требуется больше времени для того, чтобы поведенческие сдвиги произошли в других странах и регионах.

Заключение

Несмотря на то, что концепция второго демографического перехода играет важную роль в дискуссии о демографическом будущем Европы и находится в центре внимания многих исследователей, единого мнения о ее парадигмальном характере, т.е. способности совершить «прогрессивный сдвиг проблем», пока нет. Авторы теории ВДП подчеркивают роль идейного фактора в изменении демографического поведения – сдвиг в сторону одиночного проживания, до- и послебрачного сожительства, откладывания рождений, высокой доли внебрачной рождаемости и увеличения числа распавшихся союзов. Такая точка зрения является достаточно дискуссионной, поскольку связь между ценностями и поведением может быть обратной и зависит от рассматриваемого контекста. Авторы теории ВДП также выдвигают гипотезу о конвергенции демографического поведения к «стандартной модели», которая задается наиболее «продвинутыми» в ВДП обществами, т.е. Скандинавскими странами. В ряде исследований данная гипотеза не находит подтверждения в связи с возможностью сохранения различий между брачно-семейным поведением населения Северо-Западной Европы, «родины» новых моделей семьи, и восточноевропейских стран. Тем не менее теория ВДП является тем концептуальным инструментом, который позволяет выявлять и изучать национальные и региональные особенности брачно-семейного поведения и имеет эвристический потенциал с точки зрения объяснения новейших тенденций демографических процессов.

Литература

1. *Vance R. B.* Is theory for demographers? // *Social Forces*. 1952. № 31. P. 9–13.
2. *Keyfitz N.* How do we know the facts of demography? // *Population and Development Review*. 1975. P. 267–288.
3. *Van de Kaa D.J.* Emerging Issues in Demographic Research for Contemporary Europe // *Population Studies*. 1991. № 45 (1). P. 189–206.
4. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Медиум, 1995.
5. *Van de Kaa D.J.* Demographic transitions // *Zeng Y., ed. Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography*, 1. Oxford : Eolss Publishers, 2010. P. 65–103.
6. *Van de Kaa D.J.* The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries. Paper presented at the Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security. Tokyo, Japan, 2002. 34 p.
7. *Lesthaeghe R.* The second demographic transition: A concise overview of its development // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. № 111 (51). P. 18112–18115.
8. *Ariès P.* Two successive motivations for the declining birth rate in the West // *Population and Development Review*. 1980. С. 645–650.
9. *Вишневецкий А.Г.* Место исторического знания в изучении прокреативного поведения в СССР // *Избранные демографические труды*. М., 2005. Т. 2. С. 257–296.
10. *Goldstein J.R., Sobotka T., Jasilioniene A.* The end of lowest-low fertility? // *Population and Development Review*. 2009. № 35(4). P. 663–700.
11. *Sobotka T., Beaujouan É.* Two is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe // *Population and Development Review*. 2014. 40(3). P. 391–419.
12. *Инглхарт П., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011. 464 с.
13. *Van de Kaa D.J.* Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 42(1). The Population Reference Bureau. Washington, 1987. 57 p.
14. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность : пер. с англ. СПб. : Изд. дом «Питер», 2009.
15. *Van de Kaa D.J.* Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Population Studies*. 1996. № 50. P. 389–432.

16. *Billari F.C., Liefbroer A.C.* Is the Second Demographic Transition a useful concept for demography? Introduction to a debate // Vienna yearbook of population research. 2004. № 2. P. 1–3.
17. *Livi Bacci M.* Comment: desired family size and the future course of fertility // Population and Development Review. 2001. № 27. P. 282–289.
18. *Coleman D.* Why we don't have to believe without doubting in the «Second Demographic Transition» – some agnostic comments // Vienna Yearbook of Population Research. 2004. № 2. P. 11–24.
19. *Caldwell J.C.* Three Fertility Compromises and Two Transitions // Population Research and Policy Review. 2008. № 27. P. 427–446.
20. *Вишневецкий А.Г.* Незавершенная демографическая модернизация в России // СПЕРО. 2009. № 10. С. 55–82.
21. *Van de Kaa D.J.* Is the Second Demographic Transition a useful research concept: Questions and answers // Vienna Yearbook of Population Research. 2004. № 2. P. 4–10.
22. *Lesthaeghe R.* The second demographic transition in Western countries: An interpretation // Gender and family change in industrialized countries. 1995. P. 17–62.
23. *Sobotka T.* The diverse faces of the second demographic transition in Europe // Demographic Research. 2008. 19(8). P. 171–224.
24. *Preston S.H.* Changing values and falling birth rates // Population and Development Review 12 (Supp.). 1986. P. 176–195.
25. *Reher D. S.* Family ties in Western Europe: persistent contrasts / Population and Development Review. 1998. P. 203–234.
26. *Coleman D.* Partnership in Europe; its Variety, Trends and Dissolution // Finnish Yearbook of Population Research. 2013. 48. P. 5–49.
27. *Lesthaeghe R.* The unfolding story of the second demographic transition // Population and Development Review. 2010. № 36 (2). P. 211–251.
28. *Mayer K.U.* The paradox of global social change and national path dependencies: life course patterns in advanced societies // A.E. Woodward and M. Kohli (eds.). Inclusions-Exclusions. London : Routledge, 2001. P. 89–110.
29. *Kuijsten A.C.* Changing family patterns in Europe: A case of divergence? // European Journal of Population. 1996. № 12 (2). P. 115–143.
30. *Boh K.* European Family Life Patterns – A Reappraisal // K. Boh et al. (eds). Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of 14 European Countries, Routledge. London; New York, 1989. P. 265–298.
31. *Billari F.C.* Partnership, childbearing and parenting: trends of the 1990s. // M. Macura, A.L. MacDonald, W. Haug (Eds.). The New Demographic Regime. Population Challenges and Policy Responses. 2005. P. 63–94.
32. *Coleman D.A.* Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // Population and Development Review. 2006. № 32. P. 401–446.
33. *Lichter D.T.* Integration or fragmentation: Racial diversity and the American future // Demography. 2013. № 50. P. 359–391.

Tatiana B. Gudkova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: tbgudkova@hse.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 43. pp. 125–136.

DOI: 10.17223/1998863X/43/12

CONCEPTUALISATION OF THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION: HEURISTIC POTENTIAL AND LIMITATIONS OF THEORY

Keywords: demographic theory; first demographic transition; second demographic transition; matrimonial family behaviour; fertility; convergence; divergence; values.

The concept “Second Demographic Transition” (SDT) plays an important role in the discussion about the demographic future of Europe and draws the attention of many researchers to this transition. The SDT theory was initially formulated by Dirk van de Kaa and Ron Lesthaeghe in 1986. They found that, since the mid-1960s, in many countries of Europe there have been significant changes in fertility and family formation patterns. The emergence of this concept required an explanation of what should be understood as the First Demographic Transition (FDT), since until then such a concept did not exist. One of the topics of the article focuses on the comparison of SDT and FDT, in particular, on the background and factors of these two transitions. The framework of the SDT theory has evolved over time,

but its main points have remained unchanged. The theory suggests a connection between changes in reproductive and matrimonial behaviour, living arrangements and changes in values – “ideational shift”. The forms of marriage and family relations show a new dimension which hardly received attention in former times: the individual and independent choice of the partner, the equality of rights of partners, the importance of a lot of individual characteristics that match individual preferences, etc. The article deals with the idea, the phenomenon, causes and the extent of the universality of the second demographic transition. Despite the fact that the SDT concept is the mainstream conceptual framework of sub-replacement fertility and family changes, there is no consensus on its universality and sufficiency. The SDT theory suggests a hypothesis about the reduction of inter-ethnic heterogeneity in European countries through the “standard” sequence of demographic events. Moreover, the supporters of the theory emphasise the similarity in family formation and partnership behaviour in some industrialised countries of Asia, the Far East and Latin America, and predict the similar individual choice of living arrangements patterns. Can we find a convergence of marriage and partnership behaviour in different countries during SDT? Will SDT become a worldwide phenomenon (as the First “Classical” Demographic Transition) or will it remain “regionally diversified”? The article attempts to get closer to the answer to these main questions. The SDT theory has not only supporters but also opponents. In this regard, the article presents a critical review of the theory of the Second Demographic Transition.

References

1. Vance, R.B. (1952) Is theory for demographers? *Social Forces*. 31. pp. 9–13. DOI: 10.2307/2572565
2. Keyfitz, N. (1975) How do we know the facts of demography? *Population and Development Review*. 1(2). pp. 267–288.
3. Van de Kaa, D.J. (1991) Emerging Issues in Demographic Research for Contemporary Europe. *Population Studies*. 45(1). pp. 189–206. DOI: 10.1080/14774747.1991.11878502
4. Lakatos, I. (1995) *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and methodology of research programs]. Translated from English. Moscow: Medium.
5. Van de Kaa, D.J. (2010) Demographic transitions. In: Zeng, Y. (ed.) *Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS)*. Oxford: Eolss Publishers. pp. 65–103.
6. Van de Kaa, D.J. (2002) *The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries*. Paper presented at the Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security. January 29, 2002. Tokyo, Japan.
7. Lesthaeghe, R. (2014) The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 111(51). pp. 18112–18115. DOI: 10.1073/pnas.1420441111
8. Ariès, P. (1980) Two successive motivations for the declining birth rate in the West. *Population and Development Review*. 6(4). pp. 645–650.
9. Vishnevskiy, A.G. (2005) *Izbrannyye demograficheskiye trudy* [Selected Demographic Works]. Vol. 2. pp. 257–296.
10. Goldstein, J.R., Sobotka, T. & Jasilioniene, A. (2009) The end of lowest-low fertility? *Population and Development Review*. 35(4). pp. 663–700. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2009.00304.x
11. Sobotka, T. & Beaujouan, É. (2014) Two is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe. *Population and Development Review*. 40(3). pp. 391–419. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2014.00691.x
12. Inglehart, R. & Welzel, K. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow: Novoye izdatel'stvo.
13. Van de Kaa, D.J. (1987) Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*. 42(1).
14. Maslow, A.G. (2009) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Translated from English by T. Gurman, N. Mukhina. St. Petersburg: Piter.
15. Van de Kaa, D.J. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Population Studies*. 50. pp. 389–432. DOI: 10.1080/0032472031000149546
16. Billari, F.C. & Liefbroer, A.C. (2004) Is the Second Demographic Transition a useful concept for demography? Introduction to a debate. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2. pp. 1–3. DOI: 10.1553/populationyearbook2004s1
17. Livi Bacci, M. (2001) Comment: desired family size and the future course of fertility. *Population and Development Review*. 27. pp. 282–289.

18. Coleman, D. (2004) Why we don't have to believe without doubting in the "Second Demographic Transition" – some agnostic comments. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2. pp. 11–24.
19. Caldwell, J.C. (2008) Three Fertility Compromises and Two Transitions. *Population Research and Policy Review*. 27. pp. 427–446. DOI: 10.1007/s11113-008-9071-z
20. Vishnevskiy, A.G. (2009) Nezavershennaya demograficheskaya modernizatsiya v Rossii [Incomplete demographic modernization in Russia]. *SPEPO*. 10. pp. 55–82.
21. Van de Kaa, D.J. (2004) Is the Second Demographic Transition a useful research concept: Questions and answers. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2. pp. 4–10. DOI: 10.1553/populationyearbook2004s4
22. Lesthaeghe, R. (1995) The second demographic transition in Western countries: An interpretation. In: Oppenheim Mason, K. & Jensen, A.M. (eds) *Gender and family change in industrialized countries*. Clarendon Press. pp. 17–62.
23. Sobotka, T. (2008) The diverse faces of the second demographic transition in Europe. *Demographic Research*. 19(8). pp. 171–224. DOI: 10.4054/DemRes.2008.19.8
24. Preston, S.H. (1986) Changing values and falling birth rates. *Population and Development Review*. 12 (Supp.). pp. 176–195.
25. Reher, D.S. (1998) Family ties in Western Europe: persistent contrasts. *Population and Development Review*. pp. 203–234. DOI: 10.2307/2807972
26. Coleman, D. (2013) Partnership in Europe; its Variety, Trends and Dissolution. *Finnish Yearbook of Population Research*. 48. pp. 5–49.
27. Lesthaeghe, R. (2010) The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. 36(2). pp. 211–251. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x
28. Mayer, K.U. (2001) The paradox of global social change and national path dependencies: life course patterns in advanced societies. In: Woodward, A.E. & Kohli, M. (eds) *Inclusions-Exclusions*. London: Routledge. pp. 89–110.
29. Kuijsten, A.C. (1996) Changing family patterns in Europe: A case of divergence? *European Journal of Population*. 12(2). pp. 115–143. DOI: 10.1007/BF01797080
30. Boh, K. (1989) European Family Life Patterns – A Reappraisal. In: Boh, K. et al. (eds) *Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of 14 European Countries*. London; New York: Routledge. pp. 265–298.
31. Billari, F.C. (2005) Partnership, childbearing and parenting: trends of the 1990s. In: Macura, M., MacDonald, A.L. & Haug, W. (eds) *The New Demographic Regime. Population Challenges and Policy Responses*. United Nations. pp. 63–94.
32. Coleman, D.A. (2006) Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition. *Population and Development Review*. 32. pp. 401–446. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2006.00131.x
33. Lichter, D.T. (2013) Integration or fragmentation: Racial diversity and the American future. *Demography*. 50. pp. 359–391. DOI: 10.1007/s13524-013-0197-1